



ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ I

Клод Леви-Стросс
Структурное исследование мифа





Цель: изложить суждения Клода Леви-Стросса о мифологии как особенной науке, определяя функциональные и психологические особенности мифов, а также анализируя взаимосвязь таких понятий, как примитивное суждение и научная мысль.

Основные идеи:

- Основная проблематика научной деятельности Клода Леви-Стросса.
- Леви-Стросс о значении мифов: новое и классическое понимание.
- Особенности мифа в интерпретации разных научных дисциплин. Сужение значения мифологии до грубого типа философских предположений.
- Леви-Стросс о различиях между языком и мифом.

Ключевые сочетания: когнитивные проблемы, эволюционные антропологические подходы, психологические подходы, лингвистические методы, диалектическая модель.

Ранее мы рассмотрели, как и когда структурное направление появилось в науке. А сейчас мы хотим рассказать вам о Клоде Леви-Строссе. Этнограф, социолог и культуролог, создатель школы структурализма в этнологии (структурной антропологии), теории «инцеста» (одной из теорий происхождения права и государства), исследователь систем родства мифологии и фольклора Клод Леви-Стросс родился в Брюсселе. В парижском университете изучал философию и юриспруденцию, затем в течение нескольких лет преподавал в школе. В 1934 году отправился в Бразилию, участвовал в полевых экспедициях. В 1941-1945 гг. работал в Нью-Йоркском университете, где познакомился с лингвистом Р.О. Якобсоном. После войны Леви-Стросс вернулся во Францию. В 1959 году стал профессором социальной антропологии, а в Парижском университете вплоть до 1974 года возглавлял исследовательский отдел Практической школы. Первый крупный труд Леви-Стросса «Элементарные структуры родства» был опубликован в 1949 году. В 1955 году вышли в свет «Печальные тропики», именно они принесли автору известность и вне профессионального круга. Главным трудом Леви-Стросса по праву считается работа «Структурная антропология» (1961, 1973(2-том)), а также четырехтомник «Мифологии» (1964-1971).

Клод Леви-Стросс в значительной степени повлиял на развитие структурного направления во Франции в эпоху после Второй мировой войны. В таких книгах, как «Печальные тропики» и «Структурная антропология» он разработал описание человеческого общества и человеческой культуры, подчеркивая его системный характер и сходство со структурой языка. В этом знаменитом эссе он утверждает, что человеческие мифы, изучаемые для их сходных структурных элементов, отражают всеобщую заботу о решении когнитивных проблем в жизни человека. Автор заключает: люди подобны естественным животным, но наделены способностью мыслить и создавать культуру. Зарождается вопрос: Как люди могут примирять эти два совершенно разных «происхождения» человеческой жизни?

«Казалось бы, мифологические миры были созданы только для того, чтобы снова разрушиться во имя создания нового фрагмента», – так, цитатой из Франца Боаса, начинается эссе Леви Стросса «Структурное учение о мифе». Мифы, по словам Леви-Стросса, – это способность достижения когнитивного согласования. Методы исследователя берут начало от Гегеля и метода диалектики Маркса, создавая своеобразную диалектическую модель. В более эволюционном антропологическом подходе, к примеру, история Эдипа анализируется как опасность нанесения вреда социальным институтам, так как, полагается, что люди создали их для подавления вредного насилия и конфликтов. История связана больше с защитой вновь изобретенного идеала вежливости, чем с примирением земного начала с человеческим. За последние двадцать лет антропология получила довольно широкое развитие в религиозном контексте. В доказательство можно констатировать, что профессиональные интересы антропологов все больше склонялись в область примитивной религии, создавая свою личную площадку исследований.

Объяснение этой ситуации связано, прежде всего, с тем, что антропологическое исследование религии было начато некогда Тайлором, Фрейзером и Дюркгеймом, которые были психологически ориентированы в своих суждениях. В результате их интерпретации стали



удивлять научный мир, получая оценку «устаревшего психологического подхода», несмотря на то, что служили основой для многих концепций. Безусловно, они были правы, обращаясь к интеллектуальным процессам. Вопрос заключался в одном: «Как они все же справлялись с выполнением этой задачи?». Именно здесь наметился момент некоей дискредитации, ставя под сомнение эффективность психологических интерпретаций. В результате, психологическая школа получила репутацию наивной, что затруднило исследования.

Вероятнее всего, в религиозной антропологии никто не изучал мифологию. Пятьдесят лет назад были спорадические попытки. Однако мифы и по сей день трактуются противоречиво: либо как коллективные мечты, либо как результат некоей эстетической игры или как основа ритуала. Мифологические данные считались персонифицированными абстракциями. Какова бы ни была гипотеза, выбор сводился к сужению мифологии до грубого типа философских предположений.

Давайте попробуем разобраться в том, что же такое миф. Для полного понимания необходимо определить нишу между пошлостью и софизмом. Некоторые ученые утверждают, что человеческое общество просто использует мифы для выражения своих основных чувств, таких как любовь, ненависть или месть. Вопрос: Почему тогда общество должно делать это таким сложным и хитрым способом? Ведь все знакомы с эмпирическими объяснениями. С другой стороны, психоаналитики и многие антропологи переместили проблемы естественного существования и космологии в социологическую и психологическую области. Согласно принципу космологии, каждый наблюдатель в один и тот же момент времени, независимо от места и направления наблюдения, обнаруживает во Вселенной в среднем одну и ту же картину. Таким образом, облегчая интерпретацию, мифология отражает социальную структуру и социальные отношения. Хотя ее цель заключается в обеспечении выхода подавленных чувств. Поэтому вывод автора звучит следующим образом: «Какая бы ни была ситуация, умная диалектика всегда найдет способ притвориться, что смысл найден».

Считается, что мифология ставит перед учеником, на первый взгляд, противоречивую ситуацию. С одной стороны, кажется, что в мифе может произойти все. Нет логики, нет непрерывности. Любая характеристика может быть отнесена к любому субъекту. Можно найти все мыслимые отношения. Что значит, с мифом все становится возможным. Но, с другой стороны, этот кажущийся произвол противоречит поразительному сходству между мифами различных регионов. Почему же мифы во всем мире настолько похожи? Именно это осознание базовой антиномии может привести к ее разрешению. Такое противоречие в ранние времена вызывало серьезное беспокойство у первых философов, занимающихся лингвистическими проблемами. Древние философы рассуждали о том, как люди относятся к мифологии. С одной стороны, как отмечает автор, они заметили, что на определенном языке определенные последовательности звуков были связаны с определенными значениями. Они искренне стремились обнаружить причину этой связи. Однако их попытка была сорвана с самого начала, так как звуки одинаково присутствовали и в других языках, хотя имели совершенно иной смысл.

Призывать мифолога сравнить его неустойчивую ситуацию с ситуацией лингвиста на донаучной стадии недостаточно. Существует очень веская причина, почему миф нельзя просто рассматривать только как язык, так как с его помощью решаются конкретные проблемы. Миф – это язык, это часть человеческой речи. Чтобы сохранить специфику мифа необходимо доказать, что это то же самое, что и язык, и все же это нечто иное. Здесь также может помочь прошлый опыт лингвистов. Язык можно сравнить с вещами, которые похожи и одновременно разные.

Наблюдается еще одна оригинальность мифа в отличие от других лингвистических явлений. Миф является частью языка, где формула итальянских вариантов переводчик, предатель достигает своего наименьшего значения. С этой точки зрения он должен быть помещен в гамму лингвистических выражений, противоположных поэзии. Что это значит? Миф – это лингвистическое, но не совсем поэтическое явление. Хотя, существовали разные концепции, в том числе и те, которые доказывали обратное суждение. Поэзия – это своего рода речь, которую невозможно перевести без серьезных искажений. Тогда как содержательная ценность мифа сохраняется даже через худший перевод. Каким бы не было наше незнание языка и культуры людей, миф все еще считается мифом для любого читателя в любой точке мира. Его



сущность не заключается в стиле, оригинальной музыке или синтаксисе. Повествование и его содержание и есть та основная база, которая составляет ядро мифа. Полагается, что миф – это язык, функционирующий на особо высоком уровне, где смысл представлен практически сразу в языковой основе, и он развивается в дальнейшем движении сюжета.

Подводя итог обсуждению, автор приходит к следующим заключениям: во-первых, если есть смысл, который можно найти в мифологии, то он не заключается в цельности; во-вторых, хотя миф относится к той же категории, что и язык, на самом деле, только его часть проявляет определенные свойства языка; в-третьих, свойства мифа можно найти только над лингвистическим обычным уровнем, который чаще всего не подлежит языковому выражению. Рассматривая вышесказанное как рабочую гипотезу, можно определить два следствия: во-первых, миф, как и язык, состоит из определенных единиц; во-вторых, они состоят из фонем, морфем и семем, хотя есть черты, присущие только мифам. Они относятся к более высокому и более сложному порядку.

Возникает вопрос: «Как можно идентифицировать и изолировать эти брутто-единицы?». Иными словами, мифы имеют все присущие языку элементы, как фонемы, морфемы или семемы, но только на более высоком уровне. Автор считает, что лишь этот более высокий уровень определяет отличие мифа от других видов речи. Поэтому поиск продолжится на уровне предложений. Единственный метод, который предлагается, – это исправление пробной версии и ошибки, используя следующие критерии: экономичность объяснения; единство решения; способность восстанавливать целое из фрагмента и поздние этапы из предыдущих явлений.

Техника, примененная автором, заключается в анализе каждого мифа отдельно, при котором его история расчленяется на кратчайшие предложения. Далее каждое предложение записывается на индексной карте с номером, соответствующим сюжетной линии. Таким образом, практически каждая карта покажет связь определенной функции с данным предметом. Иначе говоря, каждая подсистема будет состоять из отношений.

Думаем, что следующие два сравнения помогут объяснить идею автора.

Предлагаем вам отрывок из эссе, выстроенный на первой воображаемой ситуации Леви-Стросса: «Предположим сначала, что археологи будущего, пришедшие с другой планеты, когда-нибудь, когда вся человеческая жизнь исчезнет с земли, раскопают одну из наших библиотек. Даже если они вначале не были осведомлены о нашем письме, предположим, им удастся его расшифровать. Обстоятельством, которое на ранней стадии потребовало бы открытия, будет алфавит, читаемый слева направо и сверху вниз. Однако вскоре они обнаружат, что целая категория книг не соответствует обычной схеме. Это подобно партитуре оркестра. Безуспешно пытаясь расшифровать знаки один за другим, они, вероятно, заметили бы, что те же шаблоны повторяются с интервалом, полностью или частично, или же, что некоторые шаблоны сильно напоминают ранние. Из этого выдвигается гипотеза: что, если шаблоны, обнаруживающие близость, должны рассматриваться не последовательно, а как один сложный целый образец? Получив то, что мы называем гармонией, убедимся, что значимая оценка оркестра должна определяться диахронно вдоль одной оси - то есть страница за страницей, и синхронно вдоль другой оси, слева направо. Таким образом, все примечания, написанные вертикально, составляют одну общую составляющую, т. е. одну связку отношений».

Второе сравнение несколько отличается. Берется наблюдатель, который не знает обычных игральные карты. Он долго сидел с гадалкой, пытаясь больше узнать о посетителях: пол, возраст, внешность, социальное положение и т. д. Так же, как и мы, порой стараемся больше узнать о разных культурах, чьи мифы пытаемся изучать. Он слушал сеансы. Записывал их, обеспечивая себе возможность перебирать и делать сравнения. Это схожий процесс, когда слушая мифы, мы записываем их. С целью определения второй гипотезы, автор обратился к математикам. Задача была поставлена следующим образом: если человек одаренный и владеет достаточным количеством материала, сможет ли он восстановить характер колоды карт? Автор уточняет: «то есть пятьдесят две или тридцать две карты, в зависимости от случая, состоящие из четырех однотипных наборов, из одних и тех же единиц (отдельных карт) с одной переменной картинкой».

В качестве конкретного примера автор использовал хорошо известный всем миф Эдипа. Данный миф дошел до нас в поздних формах литературных трансмутации, которые больше



связаны с эстетическими и нравственными увлечениями, нежели с религиозными или ритуальными. Цель автора – не интерпретация мифа, а иллюстрация определенной техники. В данном контексте, как подчеркивает сам Леви-Стросс, «демонстрация» понимается не с точки зрения ученого, а с позиции уличного торговца. Потому как целью иллюстрации является не достижение конкретного результата, а лаконичное объяснение функционирования механической игрушки, которую он пытается продать.

Чтобы интерпретировать миф, было оставлено в стороне некоторое беспокойство ученых по поводу того, что в ранних (гомеровских) версиях мифа Эдипа отсутствуют некоторые основные элементы, такие как убийство Йокасты и Эдипа. Эти события не изменяют сущности мифа, хотя они легко могут быть интегрированы. В то же время в этих добавлениях есть что-то важное, поскольку переход от ноги к голове должен быть соотнесен с переходом от автохтонного происхождения к самоуничтожению. Таким образом, представленный метод устраняет проблему, которая была одним из основных препятствий для развития мифологических исследований. Речь идет о поиске истинной версии, или более ранней. Потому как миф определяется как нечто целое, состоящее из всех его версий. Иными словами, миф остается тем же, пока ощущается. Ярким примером может служить тот факт, что интерпретация Клода Леви-Стросса учитывает фрейдистское использование мифа Эдипа.

Более детальное понимание мифа с примерами и сопоставлениями можно найти непосредственно в работе Леви-Стросса, который, сопоставляя примитивный разум и научную мысль, формирует ядро современного понимания мифов. Мы же на этом завершаем наше повествование, заключая, что легенды и мифы являются необычным творением человеческой фантазии. Это идеи, основанные как на сказаниях, так и на эмоциях людей. К примеру, казахские легенды, свидетельствующие о многих исторических процессах прошлого, стали неотъемлемой частью духовного наследия народа. Древние казахские легенды и предания, рассказывающие о том, как были названы реки, озера, горы, ландшафты необъятной степи, всегда были зеркальным отражением жизни далеких предков и великой степи!

Контрольные вопросы:

1. Кто такой Клод Леви-Стросс? Как можно охарактеризовать круг его научных интересов?
2. Как определяет природу мифов Леви-Стросс в соотношении традиционного прошлого и нового?
3. Как Клод Леви-Стросс анализирует различия языка и мифа?

Список рекомендуемых ресурсов:

1. Джули Ривкин и Майкл Райан. Теория литературы: антология. Третье издание. стр. 193 – 205.
2. <http://e-history.kz/ru/contents/view/3369>